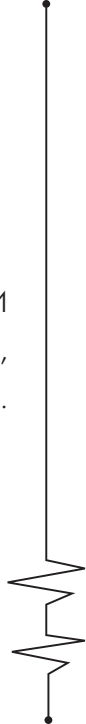

КАЖДЫЙ ХОТЬ РАЗ В СВОЕЙ ЖИЗНИ
ХОТЕЛ СТАТЬ КЕМ-ТО ДЛЯ КОГО-ТО,
НО ПОЧЕМУ-ТО НЕ СТАЛ.

ХАННА КИМ

ЦЕФЕИДЫ.
АНДРОМЕДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К40

Иллюстрация на обложке — *_artnikita_*

Серийное оформление — *Екатерина Климова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ким, Ханна.

К40 Цефеиды. Андромеда : [роман] / Ханна Ким. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Хиты молодежной прозы).

ISBN 978-5-17-187016-4

С наступлением ночи на небе загораются тысячи звезд, но свету некоторых из них потребовались миллионы лет, чтобы достигнуть нас. Какие-то из них погасли задолго до нашего рождения — даже звезды не живут вечно. И если другой, похожий на наш, мир настолько далеко... Возможно, он уже давно угас, как и эти звезды, оставив после себя лишь холодное сияние на нашем небе.

В планы Мингю не входили поиски себя и смысла жизни — он просто существовал, потеряв счет уходящим дням. Под сиреневым же небом каждая прожитая секунда кажется важнее, чем все, что происходило с ним до настоящего момента. Этот мир заполняет пустоту внутри: людьми, чувствами, ощущением нужности. Прошлое теряет над ним власть и уступает место настоящему, и Мингю перестает оглядываться назад и наконец-то решается жить.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-187016-4

© Ким Х., 2026
© ООО «Издательство «АСТ», 2026

ПЛЕЙЛИСТ

- X Ambassadors — Renegades
- Bel Heir — Chain Me To The Sun
- FRENSHIP — 1000 Nights
- Theory Of A Deadman — Angel
- Marina & The Diamonds — Immortal
- Red — Pieces
- Nickelback — Lullaby
- Adelitas Way — Undivided
- Bahjat — Hometown Smile
- Equinox — Bones
- KAINA — Cannonball
- Trafton — Risk

Мингю стоит перед зеркалом уже пятнадцать минут: убирает волосы то в одну сторону, то в другую, ерошит их от бессилия. Отросшая челка начала лезть в глаза еще неделю назад, а сейчас и вовсе хочется откромсать ее ножницами, как он однажды сделал в детстве, за что получил нагоняй от бабушки.

Он понимает, что дело вовсе не в волосах, а в волнении, которое концентрируется в кончиках пальцев, раз за разом треплющих волосы, превращая их в еще больший хаос. Осталось минут десять до выхода, а Мингю так и не смог взять себя в руки.

— Может, тебе волосы покрасить, чтобы ты наконец-то успокоился? — не выдерживает Чонхо, все это время наблюдавший за его страданиями.

Мингю смотрит на него через зеркало в ванной и закатывает глаза. В последний раз он красил себя сам — точнее, с ним был Тэён, который вызвался помочь, руководствуясь якобы разумными доводами вроде «Ты так без волос останешься или про затылок забудешь». Без волос в итоге не остался, но вся ванная оказалась заляпана краской, а шторку из душа и вовсе пришлось выбросить. Тэён — ходячая катастрофа.

— Тебе что, настолько заняться нечем, что ты хочешь мне помочь?

— А я тут при чем? У меня один знакомый в салоне работает, — пожимает плечами Чонхо и осторожно добавляет: — Он Сонёля в красный красил, кстати.

Мингю вздрагивает все равно. Смотрит какое-то время в чужие глаза — все так же через зеркало — и оборачивается. Улыбается неуверенно и кивает, до конца не понимая, с чем именно соглашается.

Они едут в противоположный конец Сеула, поймав такси прямо у выхода из дома. Мингю таращится в окно, нервно теребя рукав рубашки, и понятия не имеет, как ему себя вести в чужом доме. Вчерашний звонок матери Мина попросту застал врасплох — женщина позвонила вечером и радостно сообщила, что ждет Мингю (и Чонхо тоже) завтра в гости. Где-то тут они переглянулись, копируя замешательство на лицах друг друга, — странно ждать новолуния и в принципе быть зависимым от лунного календаря, но напрочь забыть про один из главных праздников в году, который вообще-то в эту субботу. Мингю не праздновал Чхусок¹ по-человечески уже несколько лет, так что ему эту забывчивость вполне можно простить, потому что как справлять семейное торжество, когда семьи нет. Но Чонхо?..

— Почему тогда мы учились в пятницу? — Недоверчиво спрашивает он, отвлекаясь от разглядывания улицы через окно такси. — Там же три дня выходных должно быть.

— Зато мы не учимся в понедельник и вторник. У нас немного странный университет. — Чонхо проверяет время на телефоне. — Кажется, мы опаздываем.

— Я все еще думаю, что это плохая идея, — качает головой Мингю, опять принявшись дергать рукав рубашки; его ладонь накрывают рукой.

¹ Чхусок — праздник урожая и поминания предков в Корее, по традиции отмечается в кругу семьи. Празднуется 15-го числа 8-го лунного месяца.

— Все будет нормально. — Чонхо смотрит ему в глаза как-то упрямо и чересчур уверенно. — Как-никак, это и твои родители тоже. Пусть и не в этом мире.

И в этом главная проблема, думает Мингю. Пусть он уже видел мать Мина, пусть и переписывался с ней иногда, чтобы та не переживала, эта встреча значит куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Хотя бы потому, что там будет еще и отец. Хотя бы потому, что это первый в жизни Мингю Чхусок с родителями, который он запомнит. Хотя бы потому, что...

Курит ли все еще его (*не его*) отец крепкие сигареты? Есть ли на его плече шрам? Заплетет ли его (*не его*) мать волосы в косу сегодня? Пахнет ли в том доме персиками?

Мингю хочет знать. Но вместе с этим — не проверять никогда.

— Надо было выгулять Куки перед отъездом, — нервничает он.

— Мы это делали два часа назад.

— Надо было еще.

Чонхо в ответ только тяжело вздыхает, а потом смеется по-доброму, отворачиваясь к окну.

Не выходные, а пиздец какой-то. Потому что сегодня только начало. И если Мингю готов грызть ногти только от мысли, что меньше чем через полчаса будет сидеть за одним столом с семьей, которая в этом мире вдруг стала его, то что с ним будет, когда он переступит порог загородного дома, принадлежащего отцу Чонхо.

Не только Мингю накануне получил звонок от семьи. Чонхо позвонили тоже — отец, который в воскресенье утром возвращается из командировки. Откуда именно, Мингю решил не уточнять, потому что был слишком занят разглядыванием чужого озадаченного лица: Чонхо хмурил брови и то и дело чесал затылок, подбрасывая телефон в руке.

— Мы два года в Чхусок не виделись, — говорит он. — Я обычно... с родителями Мингю его праздную. Понятия не имею, почему он вдруг...

— Может, соскучился, — неуверенно пробует Мингю.

— Сложно поверить, — хмыкает Чонхо, выдыхая через нос.

— Как так вышло, что... — слова подбирать как-то сложно слишком, — что вы есть друг у друга, но...

— Не знаю, — прерывают его, — мы с отцом не особо близки. Может, проблема в том, что он видит во мне женщину, которая его бросила. Я внешне пошел в мать. — Чонхо нервно кусает ноготь большого пальца. — Все в порядке. Я давно привык и не жалею. Отец обеспечивает меня абсолютно всем, поэтому... Ну, глупо быть недовольным.

Не глупо, думает Мингю. А еще хочет опрокинуть что-нибудь. Кто-то не имеет семьи и мечтает лишь о том, чтобы снова оказаться в любящих объятиях, а кто-то семью имеет — и пусть расколотую на два далеких друг от друга берега, — но не может ощутить и крупницы тепла. Это неправильно.

— Я не думаю, что нам следует ехать. Да, *нам*, — акцентирует Чонхо последнее слово. — Потому что один я в этот дом не поеду.

— Почему не следует?

— Потому что, если ночью пойдет дождь, мы не успеем вовремя вернуться.

Мингю разглядывает чужое серьезное лицо напротив и из последних сил давит в себе глупые слова. В нем их слишком много в последнее время — слов этих глупых. Вроде «К черту этот дождь» и «Ты не хочешь, чтобы я уходил, а я не хочу, чтобы ты меня отпускал».

(«Я хочу остаться».)

Он долго стоит перед домом, когда они выходят из такси. Рассматривает серый кирпич, балконы чужих квартир, даже встречается взглядом с какой-то девушкой на третьем этаже, которая вышла выкурить сигарету.

Чонхо не торопит его — терпеливо ждет, пока Мингю сам сделает первый шаг. И он делает его — крепко вцепившись в рукав чужой рубашки.

— Кто это тут почтил нас своим присутствием? — встречает их с порога пожилая женщина в переднике с подсолнухами.

Всю храбрость, которую Мингю успел собрать в кулак к этому моменту, он разом теряет. Стоит столбом в дверях и почти физически чувствует, как конечности наливаются тяжестью. Не сдвинуться с места. В носу начинает покалывать.

— Здравствуйте! — Чонхо первым заходит внутрь и подставляется под чужие объятия. — Прошу прощения за опоздание, мы застряли в пробке.

— Ой, да не извиняйся. — Бабушка хватается за обе щеки. — Ишь какой вырос жених красивый! Девчонки поди толпами бегают! — Она начинает скрипуче смеяться.

Мингю понимает, что окончательно пропал. Он видит человека перед собой и понимает, что тот абсолютно такой же, каким запомнился в лучшие годы. Его бабушка — она все такая же. С яркой серебристой проседью, улыбающимися глазами, с фартуком абсурдным и такими же абсурдными шутками, которые мало кто понимает.

— Ну, иди сюда. — Она сгребает Мингю руками и так крепко сжимает, что тот буквально выпускает дух. — Совсем хилый стал. Кушай больше, а то на такой скелет никто не позарится.

Он медленно поднимает руки и обнимает в ответ. Думает вдруг, что никогда его жизнь не была настолько правильной, как в этот момент. Мингю чувствует запах персиков, обнимает человека, которого хотел спасти больше, чем жить, и смотрит через плечо бабушки на Чонхо, глаза которого слишком черные и слишком красивые. И хочется, чтобы так всегда было. Чтобы всегда можно было чувствовать родное тепло рядом и видеть

улыбку человека, для которого ты по непонятной причине стал чем-то большим, чем просто тусклым блестящим потерянной звезды из другой галактики.

Мингю и вправду потерянная звезда. Ищет свет, в котором может сгореть без каких-либо сожалений. Окончательно и безвозвратно. И пусть после него ничего не останется, эту яркую вспышку всего, что осталось от его души, увидят те, ради кого и хотелось умереть.

Он только и успевает, что снять кеды, когда в коридор выходят мать и... отец. Высокий — Мингю ростом пошел не в него — и будто бы молодой даже в свои сорок пять, в белой рубашке и свободных брюках. Мингю теряется немного, смотрит на чужое предплечье, скрытое под тканью, — словно хочет увидеть шрам, который все еще помнит на ощупь, — и делает небольшой поклон, потому что просто не знает, как себя вести. Отец Мина смеется, хлопает его по плечу и приобнимает одной рукой. А Мингю — Мингю все так же продолжает рассыпаться внутри себя. Весь этот мир — проекция жизни и людей, которых у него никогда не будет.

(Но сейчас же есть?)

Чонхо достает из рюкзака огромную упаковку традиционных рисовых пирожных, перевязанных голубой лентой, и вручает ее хозяйке дома. Мингю лупит глаза и теряется еще больше, потому что как, *как* тот успел позаботиться еще и о таких вещах, когда он почти глаз с него не спускал? Мать Мина обнимает Чонхо, а Мингю кажется вдруг, что в этой семье не один сын, а двое. И от этой мысли становится только грустнее.

— Уже нашел себе невесту? — В шутку спрашивает мать, когда ставит перед Мингю тарелку с супом.

Тот давится воздухом, закашлять хочет, но получается не очень — сидит только с красным лицом и круглит глаза.

— Да ладно тебе, чего ты опять, — шикает на нее бабушка.

— Но я хочу внуков! — возмущается женщина, отбрасывая за спину волосы, заплетенные в косу.

— Да какие тебе внуки! А этот еще поди набегаться не успел. — Бабуля смеется, накладывая себе в тарелку кимчи. — И вообще, ему, может, больше мальчишки нравятся. — Она начинает хохотать еще громче и роняет кусок капусты на стол.

Классно, Мингю думает. Бабушка что в том мире, что в этом — остается все той же бабулей с *неуместными* шутками, которые большинство воспринимает в штыки. Он улыбается, разглядывая содержимое тарелки, и берет в руку ложку. На бабушкину тираду никто не отвечает — только отец громко отпивает соджу из стопки, а Чонхо давится смешком, неумело делая вид, что поперхнулся.

Сложно выразить словами чувства, когда сидишь в кругу людей, которые когда-то были в твоей жизни, но ушли, растаяли в воспоминаниях, будто снег по весне. И в размытой луже ты видишь их отражения, которые исчезают, испаряются безвозвратно на солнце, которое печет своими лучами из будущего, обреченного на то, чтобы все-таки наступить. Сложно выразить словами чувства, когда дышишь полной грудью, а легкие заполняют давно забытые, как ты думал, запахи из детства. Ты весь в них, они все в тебе, это как отдельная Вселенная со своими законами. И все, что остается, — только делать вдох за вдохом, умоляя себя запомнить этот момент навсегда.

Сложно выразить словами чувства, когда понимаешь, что потерянное однажды ты потеряешь снова, вернувшись в то место, которому принадлежишь. Мингю бросает на Чонхо долгий взгляд, плавая в мыслях где-то между «не хочу» и «я должен».

«Выбор есть всегда», — твердят умники, которых он ненавидит всей душой. Потому что они никогда не были там, где Мингю есть сейчас. Тут нет перепоутий, нет перекрестков. Есть лишь тысяча дорог, у которых один общий конец, а за ним — ничего. И нужно повернуть назад.

— Чонхо, — мать Мина взмахивает руками, резко поменявшись в лице, — боже, как я могла забыть!

Она поднимается с места и убегает куда-то. Возвращается всего через минуту с пачкой каких-то бумаг и протягивает их Чонхо.

— Когда я к вам заезжала недавно, то проверила почтовый ящик. Хотела сразу отдать, но из головы тогда совсем вылетело из-за... — Женщина качает головой, не решившись продолжить. — Простите, обычно я не такая рассеянная.

— Все в порядке, — мягко улыбается Чонхо. — Если бы вы этого не сделали, то никто бы не сделал. Сами знаете, что мы в почтовый ящик почти не заглядываем.

— Там письмо, — вкрадчиво извещают его в ответ.

Он опускает взгляд на бумаги, сплошь состоящие из всяких рекламных листовок, и вытаскивает из середины тонкий конверт. Мингю, сидящий рядом, застывает с ложкой в руке и умоляет себя не подглядывать. Не спрашивать. Сделать вид, что он не слышал и не видел ничего, потому что это его не касается.

Но все равно смотрит на конверт в чужих руках и видит в адресе отправителя «Нью-Йорк, США».

— Забавно это, — говорит мать Мина. — Сейчас все отдают предпочтение всяким мессенджерам, а кто-то все еще пишет письма от руки!

— Иногда я думаю, что тут есть чему поучиться, — улыбается Чонхо и прячет письмо в карман. — Игнорируя прошлое, мы не можем полноценно жить в будущем.

Мингю кажется, что что-то идет не так. Неправильно совсем. Не по тому пути. Он откладывает ложку с растерянным лицом и извиняется, после уходя в уборную. Умывается холодной водой, смотрит долго на свое лицо в зеркале и думает, что не хочет больше быть тем, кем его знают остальные. Не хочет быть собой.

И он не понимает, зачем другие цепляются за то, что лишь всплеск, вспышка — нечто мимолетное, стреми-

тельно тающее. Зачем тебе падающая звезда, зачем тебе комета, зачем все звезды, вместе взятые, если есть солнце? Мингю смеется в свое отражение немного истерично и вытирает со щек капли воды.

Они возвращаются домой к десяти вечера. Мингю по пути едва ли произносит пару фраз, разглядывая то Сеул сквозь окно такси, то свои руки. А иногда смотрит на карман Чонхо, который слегка топорщится от конверта. Хочет, правда очень хочет узнать, что там. Кто тот человек, что написал. Зачем он пишет. Почему Чонхо нужны эти письма. Ведь нужны же, верно?

Когда Мингю подходит к окну на кухне, на улице начинает накрапывать дождь — слишком мелкий, чтобы его заметить с первого взгляда. Он давит в себе глупое желание вытянуть руку и поймать пару капель. Думает вдруг, сидят ли сейчас перед окном Тэён и Мин. Гадают ли, будет ливень или нет. Они не виделись всего несколько дней, а чувство такое, будто целую вечность.

Мелкий дождь заканчивается около двенадцати ночи. Мингю к этому времени так и не решается спросить у Чонхо, кто тот человек, от которого он получил письмо.

— Ты уверен, что хочешь именно такой цвет? Он будет быстро вымываться. — Высокий парень с вытатуированным на шее крестом с интересом разглядывает волосы Мингю.

— Не быстрее, чем пепельный, — хмыкает тот.

Он и сам не до конца понял, как оказался в этом кресле в салоне. В какой именно момент осознал то, что происходит, — когда Чонхо скинул ему в каток адрес или же когда ехал в метро. Черт его знает. Да и есть ли хоть какая-то разница. Мингю разглядывает свое отражение из-под отросшей челки, что уже давно утратила

свой серебристый цвет, и в который раз за последние дни хочет перестать быть собой.

(Не дни. Всю жизнь.)

Он осторожно чешет голову, возвращаясь домой, потому что кожа дико зудит, как и обычно после каждой покраски, и избегает взглядов на себя в любой отражающей поверхности. Мингю знает, что выглядит хорошо. А еще знает, что все осталось по-прежнему. Странно и глупо думать, будто, изменив цвет волос, ты изменишь самого себя. Но ведь нужно начать хоть с чего-то?

Чонхо роняет поводок, когда Мингю переступает порог квартиры. Куки начинает возмущенно выть, словно решив, что его передумали выгуливать.

— Это... в смысле... — Чонхо подбирает поводок, не сводя взгляда с чужих волос. — Тебе идет. Но почему такой цвет?

Мингю пожимает плечами. Решает не говорить, что потому, что ближе к закату облака на лавандовом небе становятся мятными. Такие яркие и в то же время такие чужие. Пятнами на небосклоне. И лишь несколько минут перед тем, как зайдет солнце.

(Он — это мгновения.)

Они вместе выгуливают Куки, молча поглядывая друг на друга. Чонхо — потому что разглядывает чужие волосы, Мингю — потому что все еще думает о вчерашнем вечере. И письме, которое Чонхо так и не открыл.

— Я Сонёля позвал вместе с нами, — роняет он, когда они заходят в лифт.

— Куда? — Мингю не понимает.

— Ну, — Чонхо нажимает кнопку с номером нужного этажа, — завтра.

Он долго рассматривает Куки, который трется о его ногу, а потом поднимает взгляд. Честно не хочет строить причинно-следственные связи в своей в голове, но они строятся сами.

— Ты уверен?